

Гу Цинчэн смотрел на Цзян Чэна, наблюдая, как его обычно легкомысленное лицо стало серьезным. Он всматривался в его глаза, пытаясь понять, не шутит ли он.

Но в голове его крутилась мысль:

«Ах, теперь всё стало понятно!»

Конечно же. Цзян Хай так его ненавидел, как мог спустя несколько лет, став Цзян Чэном, вдруг так сильно захотеть его и настаивать на интимной близости по принципу взаимной выгоды? Если всё это было просто злобной шуткой Цзян Чэна, чтобы подразнить его, то всё становилось логичным. В конце концов, характер человека меняется так же трудно, как облик гор, и Цзян Хай, который в школе был настолько неприятным, став Цзян Чэном, вероятно, всё так же видел в Гу Цинчэне объект для издевательств.

Тогда, в прошлой жизни, он, получается, попал в ловушку. Ведь они провели ночь вместе, ничего не произошло, и теперь это стало понятно. Вероятно, Цзян Чэн в прошлой жизни, увидев, что его не узнали, снова решил подразнить его, намеренно вызывая отвращение.

Он также подумал, что он не раз видел геев и знал, как они выглядят. Как говорится, у голубых всегда есть что-то женственное, но Цзян Чэн был настоящим мужчиной, и ничто в нем не указывало на гомосексуальность. Он долго смотрел на лицо Цзян Чэна, его тело излучало энергию и здоровье, гладкая кожа слегка загорелого оттенка, узкие глаза, широкий лоб, чуть полные губы, которые только усиливали его мужскую привлекательность. Присмотревшись, можно было увидеть в нем Цзян Хая, в его глазах и чертах лица. Такой мужчина, полный мужской энергии...

Действительно настоящий мужчина, и это не было притворством...

Увидев это, он вдруг вспомнил слова Сяо Тана о Цзян Чэне:

«Кажется, от него исходит аура неудовлетворенного желания».

Неудовлетворенного? Не может быть. У него такая внешность, и он так богат, что вокруг него наверняка полно людей... Возможно, просто его внешность настолько привлекательна, что он кажется мужчиной, который думает только о сексе, независимо от пола партнера... Может быть, именно поэтому в прошлой жизни он решил, что Цзян Чэн — это мужчина, который не различает полов и просто хочет удовольствий?

Цзян Чэн, видя его задумчивость, нахмурился и снова принял легкомысленный вид:

— Что, не веришь? Если не веришь, можешь проверить.

Гу Цинчэн открыл рот:

— Как... как проверить?

Цзян Чэн ничего не ответил, просто резко тронул с места, и машина помчалась вперед. Ветер бил в лицо, и Гу Цинчэн чувствовал, как голова идет кругом. Он пытался осмыслить произошедшее, ему нужно было время, чтобы всё обдумать. Но прежде чем он успел это сделать, машина остановилась. Он поднял голову. Черт возьми, это был отель.

Цзян Чэн вышел из машины, обошел её и открыл дверь, чтобы вытащить его. Гу Цинчэн ухватился за сиденье, отказываясь отпустить:

— Что ты делаешь?

— Снимаем номер.

— Снимаем... какой номер?

— Я могу доказать тебе, что ты мне не интересен, что у меня нет чувств к мужчинам.

Гу Цинчэн спросил:

— Как докажешь?

— Проведем вместе ночь, и ты поймешь.

— ...

Цзян Чэн потянулся к нему. Гу Цинчэн сильно подозревал, что разоблачение того, что Цзян Чэн — это Цзян Хай, привело к тому, что тот перестал притворяться, и теперь, сбросив маску, снова стал таким же грубым, как раньше. Он не собирался просто так сдаваться и попытался выбраться с другой стороны, но Цзян Чэн схватил его за ногу, и он вскрикнул, ударившись головой о крышу машины.

Цзян Чэн вдруг засмеялся, отпустил его и сказал:

— Что ты делаешь? Как будто я тебя насилую.

— А ты что делаешь? — Гу Цинчэн сжался в комок. — Кто соглашался провести с тобой ночь?

— Не бойся, — Цзян Чэн, опершись на дверь, заглянул внутрь. — Ты можешь в любой момент вызвать полицию. Если не веришь, можешь даже сфотографировать или записать.

— Я не сомневаюсь, что ты не гей, — сказал Гу Цинчэн. — Я знаю, что ты настоящий мужчина!

— Словами это не докажешь. Ты всё отказываешься перейти в мою компанию, разве не из-за этого?

— Нет! — возразил Гу Цинчэн. — Я тоже шутил. Даже если бы ты был геем, я бы всё равно не стал. Я скорее умру, чем соглашусь! Я не перехожу в твою компанию просто потому, что не хочу. Мне и в «Цзуй Юйлэ» хорошо, по крайней мере, пока всё нормально. Возможно, в будущем я решу, но зачем так торопиться?

Цзян Чэн отступил на шаг:

— Руководитель «Цзуй Юйлэ» не искренен с тобой, он просто использует тебя для быстрой наживы. Когда ты потеряешь популярность, он тебя бросит.

— Я не дурак, у меня есть свои планы. Кроме того, если он не искренен, откуда мне знать, что ты искренен...

— Хочешь, я поклянусь?

— ...

Цзян Чэн смотрел на него несколько секунд, затем вздохнул и наклонился, чтобы сесть в

машину. Гу Цинчэн, подумав, что тот собирается напасть, испуганно потянулся к другой двери, но Цзян Чэн вдруг схватил его за руку:

— Я просто посижу немного, посиди со мной.

Гу Цинчэн посмотрел на него, но в машине было темно, и он не мог разглядеть его лицо, только силуэт, освещенный уличным фонарем. Цзян Чэн отпустил его и откинулся на спинку сиденья.

Гу Цинчэн почувствовал, что тот действительно не собирается ничего плохого, и только тогда сел ровно, кашлянул и сказал:

— Два взрослых мужчины сидят рядом, как-то тесно.

— Это ты нервничаешь, успокойся, и теснота исчезнет.

Гу Цинчэн усмехнулся, подумав, не это ли называется самообманом. У него был рост 180 см, а Цзян Чэн был еще выше, наверное, около 187 см. Два взрослых мужчины, сидящие так близко, не могли не чувствовать тесноты. Он почувствовал, как тело нагревается, и открыл окно с другой стороны. Когда ветерок ворвался внутрь, он вздохнул с облегчением и постепенно успокоился.

— Помнишь, раньше мы тоже так сидели в машине.

Гу Цинчэн улыбнулся, открыл рот, чтобы согласиться, но вдруг засомневался и в конце концов покачал головой:

— Не помню...

— Это было в конце весны, школа организовала поездку в дом престарелых, чтобы проявить заботу. Кажется, это был дом престарелых «Чуньфэн».

Гу Цинчэн снова покачал головой:

— Не помню.

Цзян Чэн замолчал. Гу Цинчэн откинулся на спинку сиденья, ночной ветерок обдувал его пальцы, лежащие на краю окна. Он слегка постукивал по стеклу, думая, как он мог забыть? В его памяти это был единственный светлый момент, связанный с Цзян Хаем, который всегда был для него тираном.

Тот год был очень мрачным в его жизни, хотя и не таким трагичным, как последующие. Его мать серьезно заболела и умерла, что принесло юноше бесконечную печаль. Финансовое положение семьи резко ухудшилось, накопились долги, и его отец, уладив дела, уехал на юг в поисках работы. В таких тяжелых условиях он всё же смог накопить достаточно денег, чтобы купить Цзян Хаю новый телефон.

Тогда Цзян Хай уже начал проявлять «некоторую совесть» и отказывался принимать подарок. Но телефон уже был куплен, и вернуть его было нельзя. Гу Цинчэн не хотел оставаться в долгу, поэтому, когда Цзян Хай отсутствовал, положил телефон на его парту и оставил письмо.

Это было очень серьезное и искреннее письмо, он тщательно подбирал слова, писал два дня. Цзян Хай, прочитав письмо, принял телефон. В письме он также подчеркивал, что они теперь

квиты, и выражал надежду, что Цзян Хай больше не будет его беспокоить. Письмо было таким же холодным и безжизненным, как и он сам в то время. Цзян Хай действительно больше не приставал к нему, иногда они встречались в коридоре, и, увидев, как Цзян Хай хочет что-то сказать, он опускал голову и молча проходил мимо. Со временем Цзян Хай тоже перестал с ним здороваться.

Так продолжалось до второй весны после их знакомства. В их школе каждый год проводились мероприятия, посвященные заботе о других, под названием «День доброты». Для школьников, погруженных в учебу, такие мероприятия были хорошим поводом отвлечься, но одно из них всегда привлекало мало участников — это посещение дома престарелых.

<http://bllate.org/book/16564/1512532>